

История философии

И.А. Карпенко

ОБРАЗЫ СОКРАТА У ДИОГЕНА ЛАЭРТСКОГО И ПЬЕРА АДО

Аннотация: Эссе «Сократ» Пьера Адо и сочинение «О жизни учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского разделяет более полутора тысячи лет. Для Пьера Адо, историка философии XX века, Сократ – типичный представитель античной философии. С его точки зрения, античная философия – это в первую очередь способ жить, постоянное духовное упражнение с целью конверсии, но ни в коем случае не теоретическое учение. Для Лаэртского, эллинистического историка философии, это должно быть тем более так – в силу времени его жизни и области интересов – фактически, он сам оказывается представителем античной философии. В предлагаемой работе анализируются образы Сократа как философа у Адо и Лаэртского, и выдвигается гипотеза об их сходстве.

Abstract: The distance between the two essays - "The Socrates" by Pierre Hadot and "On the life teachings and sayings of famous philosophers" by Diogenes Laertius – amounts in more than one and a half thousand years. XX century philosophy historian Pierre Hadot represented Socrates as the typical exemplification of ancient philosophy. His approach explained the ancient philosophy primarily as a way of living, as a constant spiritual exercise for the sake of revelation and no way the theoretical doctrine. Philosophy historian of Hellenistic period Laertius considers to keep up with this attitude due to his lifetime and sphere of interest. In fact, he represents the ancient philosophy himself. Present analysis depicts the Hadot and Laertius representations of Socrates as a philosopher and deals with revealing of their similarities.

Ключевые слова: философия, Сократ, духовные упражнения, конверсия

Keywords: philosophy, Socrates, spiritual exercise, conversion, revelation

Сравнение подходов авторов, которых разделяют огромные культурные эпохи, в описании какого-либо явления может показаться странным занятием. Потому что очевидно, что эти подходы будут разными. В самом деле, сравнивать их лишь для того, чтобы показать, что они разные, наверно не имеет смысла и такое сравнение представляет сомнительную ценность. Но совсем другое дело, если удастся обнаружить сходство между этим двумя подходами. Речь идёт, с одной стороны, о точке зрения историка философии Пьера Адо на фигуру Сократа, философа XX века, с другой – Диогена Лаэртского, анонимного историка философии рубежа II-III веков нашей эры.

Для того чтобы начать предполагать сходство в позициях Диогена Лаэртского и Пьера Адо, необходимо сделать несколько поясняющих утверждений и принять одно важное допущение. Важно отметить, что одной из важнейших идей Адо, которая фигурирует во многих его работах, является представление о философии, как образе жизни. Предельно отчётливо это выражено в таких его известных эссе, как «Духовные упражнения», «Конверсия», в лекции «Уроки античной философии» и т.д. Суть его программных утверждений относительно античной философии (если несколько упростить) сводится к тому, что философия – это постоянное духовное упражнение, некая практика жизнедеятельности, целью которой является достижение конверсии – «духовного» преобразования, перерождения, после которого человек научается жить, как философ. Философская жизнь означает постоянное стремление к мудрости. В этом смысле Пьер Адо предлагает понимать философию не как теоретическое учение, не как некий свод зафиксированного письменного или устного знания, но, в первую очередь, как стиль жизни. Нет особого смысла уделять здесь место доказательству этих идей Адо, он достаточно убедительно обосновывает их в ряде своих работ на примере учений стоиков, эпикурейцев, скептиков, платоников (и ряда других философских школ и отдельных философов). Например, в работе «Марк Аврелий» [1, с. 127-197] он предлагает новую интерпретацию философии Марка Аврелия, доказывая в ходе анализа его «Размышлений», что они являются типичной стоической практикой духовных упражнений.

Адо («В наши дни есть преподаватели философии, но нет философов...» [1, с. 310-319]) утверждает, что дух античной философии (истинной философии), выраженный в трактовке философии как образа жизни, заключающегося в стремлении человека к

идеалу мудреца, в современности практически исчезает. Да, всегда были истинные философы, в духе античных, и в их числе он называет Спинозу, Декарта, Кьеркегора, Паскаля, Ницше, Фуко и других. Но если в античности «философский образ жизни» философа был нормой, то впоследствии это становится исключением: нет философов, но есть преподаватели философии. А это с точки зрения Адо нонсенс, потому что философия по своей природе не является теоретическим учением, которое следовало бы преподавать – передавать из поколения в поколение как устное или письменное знание.

Если Адо прав в понимании исходной сущности философии (а мы отталкиваемся от обоснованного предположения о его правоте), то Диоген Лаэртский, живший как раз в эпоху античной философии (не столь важно, что уже на её закате) не мог не знать о такой её специфике – как образа жизни, как духовного упражнения. Судя по всему, человек, скрывающийся под именем Диогена Лаэртского, был отлично образован (по меркам своего времени) и сведущ в античной философии. Об этом говорит А.Ф. Лосев, правда, несколько иронично, во вступительной статье к тексту Диогена: «Причём не нужно думать, что перед нами здесь какой-то дилетант или невежда. Диоген Лаэртский много всего читал, и, несомненно, читал значительную часть излагаемых им философских трактатов. Во всяком случае любую ничтожнейшую мелочь он подтверждает ссылкой на какой-нибудь источник, и источники эти у него часто весьма авторитетные, вроде, например, того же Аристотеля» [3, с. 10]). В самом деле, его знания очень обширны и сопровождаются постоянными отсылками к другим авторам и альтернативным точкам зрения. Как отмечает Лосев «...никакой такой собственной философской точки зрения у Диогена Лаэртского совершенно не имеется» [3, с. 8], но это в нашем случае и не имеет значения, достаточно того, что он подробно знает всё основные философские школы античности и отдельных философов. А значит он, как человек, живший непосредственно в эту эпоху, не мог не знать о том, что философия – это в первую очередь образ жизни (и, таким образом, его точка зрения должна совпадать с точкой зрения Адо).

Интересно, что Лосев, говоря о книге Лаэртского, сурово отмечает в самом начале: «... хотя она и посвящена истории греческой философии, но сама-то греческая философия, за некоторыми небольшими исключениями, изложена в ней чрезвычайно спутанно, без последовательной хронологии, не говоря уже о последователь-

ном историзме; книга переполнена всякими не относящимися к делу биографиями, анекдотами, уклонениями в сторону и острыми словами» [3, с. 5]. И далее: «...читатель Диогена Лаэртция будет вполне разочарован уже по одному тому, что у него он не найдёт никакого систематического изложения истории греческой философии» [там же].

Вероятно, такой читатель, как Пьер Адо, выразил бы несогласие с этими высказываниями Лосева, возразив, что в «систематическом изложении истории греческой философии» и нет никакой философии, а вот в биографиях философов и анекдотах по мотивам их жизни как раз больше шансов её обнаружить. (Тут, правда, нужно учесть один нюанс: в своём эссе о Сократе «Сократ» [1, с. 87-127], которое является предметом нашего исследования, Адо ни разу не упоминает Диогена Лаэртского).

Вообще, аспект философии как образа жизни Лосев игнорирует полностью и когда в своей статье подходит к фигуре Сократа у Лаэртского, то ограничивается кратким скептическим замечанием: «Но Сократ у Диогена (II 18-46) изложен настолько разбросанно, что невозможно даже понять, где тут биография Сократа, а где тут его воззрения... Поэтому о Сократе в данном месте придётся просто умолчать» [3, с. 39].

Итак, важное допущение, о котором говорилось выше, и без которого невозможна была бы эта статья, заключается в следующем: Диоген Лаэртский, как человек, живший в эпоху античной философии и должным образом с ней знакомый, хорошо понимал, что философия – это, в первую и главную очередь, способ жить, духовное упражнение, конверсия, а уже потом теоретическое учение.

На основе этой гипотезы в статье будет осуществлён анализ текста Диогена Лаэртского о Сократе в его книге «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» [3, с. 107-116] и эссе Пьера Адо «Сократ» из сборника «Духовные упражнения и античная философия». На основе этого анализа будет предпринята попытка показать, что есть определённое идеологическое сходство в этих двух описаниях фигуры Сократа как философа (в смысле понимания философа как практикующего определённый образ жизни).

Фигуре Сократа у Лаэртского посвящено не много страниц. Но и то, что есть, можно условно разделить на три различных в плане содержания раздела. Во-первых, это слухи о Сократе, известные Диогену из разных источников, которые не имеют прямого

отношения к философии; во-вторых, это собственно философское учение Сократа (хотя термин «учение» в данном контексте не очень подходит) и, в-третьих, это свидетельства об образе жизни Сократа. В принципе, отталкиваясь от подхода Пьера Адо, второй и третий раздел можно объединить в один, и как раз в нем искать указания на подлинную философию.

В первом условном разделе, где Диоген передаёт слухи о Сократе, встречаются следующие анекдотические сюжеты. Начинает Диоген с того, что рассказывает, будто Сократ помогал писать трагедии Еврипиду и приводит в этой связи цитату из Мнесилоха: «Гвоздём Сократа Еврипид сколоченный» [3, с. 107], а так же ссылается на Аристофана: «Для Еврипида пишет он трагедии, В которых столько болтовни и мудрости» [там же]. Далее сообщается, что Сократ был наложником Архелая-физика, что он «...был рабом и работал по камню» [там же]. После упоминания о том, что вообще-то Сократ был философом, сообщается, что «...нередко его колотили и таскали за волосы, а ещё того чаще осмеивали и поносили» [3, с. 108]. Упоминает Диоген и распространённый слух о том, что Сократ находился с Алкивиадом в любовных отношениях. По поводу матримониальных отношений Диоген сообщает, что Сократ был женат дважды, первый раз на Ксантиппе, второй раз на Мирто, причём, возможно, женат он был на обеих сразу (нужно отдать должное Диогену, как учёному – почти во всех случаях он, рассказывая эти истории, ссылается на источники). Другое любопытное свидетельство касается того, что якобы Сократ сочинил эзоповскую басню, правда, как добавляет Диоген, «не очень складную» [3, с. 115]. Очевидно, что эти сведения не несут ценной информации о его философии (и философии как образе жизни вообще), поэтому мы их будем игнорировать.

Что касается философствования Сократа, то Диоген делает по этому поводу важное с нашей точки зрения замечание: «Он первым стал рассуждать об *образе жизни* и первым из философов был казнён по суду» [3, с. 107]. Здесь важно, конечно, не то, что он был казнён по суду, а то, что он акцентировал своё внимание на образе жизни. В этой же связи добавляется: «Поняв, что философия физическая нам безразлична, он стал рассуждать о нравственной философии по рынкам и мастерским, исследуя, по его словам, Что у тебя худого и доброго в доме случилось» [3, с. 108]. Фактически это указания на этическую философию Сократа и её воплощение в повседневной жизни. Так же Диоген приписывает Сократу один из наиболее рас-

пространённых мемов античной философии: «Ничего сверх меры» [3, с. 112]; и в этой же связи: «Чем меньше человеку нужно, тем ближе он к богам» [3, с. 110] и «Сколько же есть вещей, без которых можно жить!» [3, с. 109] О соотношении истины и морали приводится другое известное утверждение: «благо знание и одно только зло – невежество» [3, с. 111]. Сообщается и самое популярное, наверное, о Сократе: «он знает только то, что ничего не знает» [там же]. Таков, с нашей точки зрения, изложенный Лаэртским корпус философского «учения» Сократа (хотя сюда можно добавить и некоторые другие сюжеты из его текста). Вероятно, с некоторыми оговорками, сюда же стоит отнести информацию о том, что Сократ был приверженцем демократии.

Следующий раздел, относящийся непосредственно к образу жизни Сократа, фактически тесно связан с предыдущим. Здесь ещё раз важно подчеркнуть, что у самого Лаэртского нет никаких разделов, у него идёт сплошной текст, состоящий из анекдотов, слухов, изречений, мини-диалогов – и всё это неупорядоченно. Но не сложно разбить его текст на некоторые (пускай и произвольные) смысловые группы.

Рассказывая об образе жизни Сократа, Диоген выделяет следующие, видимо, характерные с его точки зрения (или единственно известные ему) эпизоды. Сократ, сообщает он, «занимался телесными упражнениями и отличался добрым здоровьем» [3, с. 108]. Там же говорится, что однажды «он простоял, не шевельнувшись, целую ночь» – предполагается, погруженный в философские размышления (или, как сказал бы Адо – занимаясь духовными упражнениями). Уже стариком Сократ учился играть на лире, мотивируя это тем, что никогда не стыдно узнавать новое [3, с. 111]. Сообщается, что «своим простым житьём он гордился» [3, с. 109]. Это серьёзный момент, поскольку напрямую соотносится с его наставлениям молодым – ничего сверх меры, не нуждайся в лишнем и т.п., то есть, Сократ сам жил так, как учил других. Далее: «Он одинаково умел убедить, так и разубедить своего собеседника. Так, рассуждая с Фазетгом о науке, он, по словам Платона, оставил собеседника *божественно одухотворённым* ... также и Лисия обратил он к самой высокой нравственности» [3, с. 110-111]. Эта «божественная одухотворённость», по всей видимости, является прямым указанием на акт конверсии – своеобразную инициацию философа, главную цель философии с точки зрения Адо. Это то самое, о чём Алкивиад в «Пире» говорит в честь Эрота – до какого состояния духовного

преображения довёл его Сократ в ходе занятий философией: «Когда я его слышу, сердце у меня бьётся гораздо сильнее, чем у беснующихся корибантов, а из глаз моих от его речей льются слёзы; то же самое, как я вижу, происходит и со многими другими» [4, с. 126].

Таким образом, напрашивается следующий вывод о тексте Диогена: он прямо указывает, что философия Сократа – это его образ жизни. Во-вторых, он изображает философию Сократа, как духовное упражнение, целью которого является конверсия, воздействие на собеседников с целью их развития. Самое важное здесь то, что философия Сократа у Диогена показана не как некое отдельно стоящее учение, а через его личность; его философия неотделима от него, она – это способ существования (которое включает совокупность его изречений, анекдотов, действий, общение и т.п.). И этим вполне объясняется отсутствие систематического изложения учения, из-за которого переживал Лосев – его просто никогда и не было (во всяком случае, у Сократа).

На этом можно на некоторое время оставить Диогена: более ничего существенного для цели нашего исследования он о Сократе не говорит (хотя в целом о сущности философии, конечно, высказывается). Приступим к анализу эссе «Сократ» Пьера Адо. Основа его взглядов на сущность античной философии была уже выше изложена кратко, но здесь можно повториться для большей ясности: во-первых, это способ жить, во-вторых, это духовные упражнения, в-третьих, цель занятий философией – конверсия (возможно, многократная). В своём эссе Адо опирается на свидетельства Платона и Ксенофонта (что совершенно логично), а также на мысли о Сократе Сёрена Кьеркегора и Фридриха Ницше. Интерпретация Сократа-философа этими двумя последними мыслителями занимает очень важное место у Адо, хотя, конечно, в какой-то степени их интеллектуальные усилия можно называть домыслами (как и наши собственные).

Важно отметить одно техническое отличие между Диогеном Лаэртским и Пьером Адо как историками философии. Адо в каком-то смысле находился в более удобной позиции, он мог смотреть на фигуру Сократа ретроспективно, с высоты тысячелетий и учитывать то влияние, которое тот оказал на всю последующую философию. По этому поводу Адо высказывается однозначно: «Прежде всего, я увидел в нём фигуру, оказавшую огромное влияние на всю западную традицию, влияние универсального значения» [1, с. 89]. У Диогена Лаэртского, конечно же, не было такой

возможности оценить влияние Сократа (или, если быть точнее, Платона) на потомков, хотя современниками их назвать тоже нельзя – их разделяли столетия. Тем не менее, если верить тексту Лаэртского, можно поверить и в то обстоятельство, что во время жизни этого мыслителя осознаваемого потомками влияния философии Сократа не ощущалось. Очевидно, неосознанное влияние, без сомнения, имело место (это, исследуя вопрос о преемственности идей, аргументированно показывает Артур Лавджой [2, с. 9-71]).

Адо, говоря о Сократе, последовательно изображает его в виде Силеня, Эрота и Диониса. Это, безусловно, мотивированно платоновскими диалогами и другими источниками. Данные мифологические образы являются как бы философскими масками, которые надевает Сократ в общении с людьми – это его способ философской жизни. Здесь очень важно то, что Сократ у Адо показывается философом не за счёт его учения, не за счёт того, что он говорил, а за счёт того, как он жил и действовал. А его речи оказываются всего лишь результатом разворачивания его жизненной программы (или, возможно, лучше сказать, философской жизненной практики).

Одним из ключевых приёмов философствования Сократа с точки зрения Адо является ирония. Ирония – это маска, которую надевает на себя философ, чтобы привести собеседников к конверсии. Этот приём – с маской иронии – взяли себе на вооружение Кьеркегор и Ницше (в этом, в частности, проявляется влияние Сократа на западную философскую традицию). Цицерон замечательно пояснил смысл этого приёма: «Сократ же, принижая самого себя в споре, возвеличивал того, кого хотел опровергнуть. Таким образом, говоря не то, что думал, он охотно прибегал к той форме притворства, которую греки называли «иронией»» [1, с. 97]. Ницше сделал похожее наблюдение: «У него была душа, но за ней ещё одна душа, и за ней ещё одна. В первой устраивается спать Ксенофонт, во второй Платон, в третьей снова Платон, но Платон уже со своей второй душой» [1, с. 95-96].

Ещё раз нужно отметить, для чего нужны эти маски, эта ирония. Адо пишет: «Маска, *prosopon*, Сократа, сбивающая с толку и плохо понимаемая, сеет беспокойство в душе читателя и ведёт его к тому сдвигу в сознании, который в итоге может привести к философской конверсии» [1, с. 92]. Это и есть духовное упражнение, практика совершенствования (один из вспомогательных способов которого – философский диалог). Так же ирониию можно усмотреть

в том, что, по словам Аристотеля (на которого ссылается Адо): «Сократ всегда ставил вопросы, но не давал ответов, ибо признавал, что он [их] не знает» [1, с. 98]. Таким образом, целью становится нахождение ответа, истины в последней инстанции (она вообще может быть недостижима, но и не в этом дело), а сам по себе поиск, философское вопрошание – это есть, опять же, духовное упражнение, настоящая философия. В этом контексте философия как совокупность теоретического знания попросту не существует, это уже была не философия (которая, не даёт ответов), а наука в современном смысле. «...Сократ не владеет никаким передаваемым знанием, он не может сделать так, чтобы идеи из его ума переходили в ум другого». И далее (Воспоминания о Сократе Ксенофонта): «...довольно и того, что ты над другими насмеяешься – предлагаешь всем вопросы и опровергаешь их, а сам никому не хочешь дать отчёта и ни о чём не хочешь высказать своего мнения». На это Сократ отвечает: «Если не словом, то делом показываю» [1, с. 101].

Можно было бы привести ещё примеры, отражающие понимание Пьером Адо сущности античной философии в лице Сократа, но для наших целей их и так уже достаточно. Стоит резюмировать: философия – это не просто высказывание, это в первую очередь переживание того, о чём высказывается. Бесполезно философствовать о любви, если целью не является её переживание (то же касается и смерти). Адо подводит такой итог: «Его философия вся целиком является духовным упражнением, новым образом жизни, активным размышлением, живым сознанием» [1, с. 104].

Здесь мы снова вернёмся к Диогену и посмотрим, что античный историк философии говорит о философии вообще (не только о Сократе), как он предваряет свой рассказ о философах, их жизни и учениях.

«Занятия философией, как некоторые полагают, начались впервые у варваров: а именно у персов были их маги, у вавилонян и ассириян – халдеи, у индийцев – гимнософисты, у кельтов и галлов так называемые друиды и семнофеи» [3, с. 59]. Уже из этого видно, как широко Лаэртский понимал философию, но он идёт ещё дальше: «Халдеи занимались астрономией и предсказаниями. Маги ... занимались гаданиями, прорицаниями и утверждали, будто боги являются им воочию, да и вообще воздух полон видностей» [3, с. 61]; «... Орфея, называя его философом, и притом древнейшим. Но я не уверен, можно ли называть философом человека, который говорил о богах так, как он; да и вообще не знаю, как называть че-

ловека, который бесстыдно приписывает богам все людские страсти, в том числе такие мерзкие дела, которые редкому человеку и на язык придут» [3, с. 60].

Казалось бы, эти исторические справки имеют к философии совсем уж смутное отношение, даже по античным меркам; получается, что философией Лаэртский называет всё, что угодно, любое познавательное отношение человека к миру, на чём бы оно ни основывалось. Но там же происходит очевидное сближение с тем, что мы видели у Пьера Адо: «Гимнософисты и друиды, по их словам, говорили загадочными изречениями, учили чтить богов, не делать зла и упражняться в мужестве; гимнософисты презирали даже смерть» [3, с. 60-61]. Если оставить в стороне «загадочные изречения» (что, в общем, часто справедливо), то остальные характеристики прямо указывают на философию учение как образ жизни, как саму практику жизни. И Диоген добавляет: «... а философ [«любомудр»] – это просто тот, кто испытывает влечение к мудрости» [3, с. 62], тем самым приводя своё понимание философии в соответствии с тем, которое должно отражать её сущность с точки зрения Пьера Адо в принципе.

Возвращаясь к Сократу, можно, таким образом, уже более уверенно указывать на сходство его образов у Лаэртского и Адо. Фактически, говоря о нём, как о философе, они исходят почти из одних и тех же оснований в понимании сущности философии (это видно из сравнения ключевых высказываний о Сократе у обоих авторов). Поэтому не совсем справедливо, как это иногда делается, утверждать, что Лаэртский почти ничего по существу не сообщает нам о философии тех авторов, о которых рассказывает. Возможно, наоборот, как раз по существу-то он и говорит.

Литература

1. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. Челябинск: Социум, 2010.
2. Лавджой А. Великая цепь бытия. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
3. Лаэртский Диоген. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Танаис, 1995.
4. Платон. Пир // Собрание сочинений в четырёх томах. М.: Мысль, 1993. Т.2.

Сведения об авторе: Карпенко Иван Александрович, к. филос. н, доцент кафедры онтологии, логики и теории познания факультета философии НИУ ВШЭ.